

Глеб Иванович Успенский

Не быль, да и не сказка

Глеб Иванович Успенский
Не быль, да и не сказка
Серия «Кой про что», книга 11

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665985

Аннотация

«...Успенский... показывает преимущества семейной жизни в народной среде по сравнению с буржуазной семьей; в последней Успенский подчеркивал нетрудовую, хищническую основу, отсутствие между мужем и женой общности духовных интересов, базирующихся на равном участии в общественной жизни, ненормальное, нетрудовое воспитание детей...»

Содержание

I	4
II	5
III	8
IV	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Глеб Иванович Успенский

Не быль, да и не сказка

I

...Быль это или небылица, – начал мой дорожный собеседник, – сказка или сущая правда, решительно определить не могу; не могу ничего определенного сказать даже о том, каким образом эта не быль и не сказка удержалась в моей памяти, так как положительно не знаю, кто кому рассказал ее: я ли сам рассказал ее себе, или, как мне иногда кажется, рассказал ее мне один маленький садовый цветок, или же, наконец, я сам рассказал ее маленькому садовому цветку? Достоверно одно, что разговаривать с цветком по-человечески невозможно, и я очень хорошо помню, что в продолжение всей этой истории ни с моей стороны, ни тем более со стороны цветка не было произнесено ни единого слова, даже звука, и тем не менее между нами произошло нечто такое, что в моей памяти запечатлелось как случившееся в действительности. И вот как все это произошло.

II

Очень хорошо помню, что, приказав как можно скорее запрягать лошадей, я, не раздеваясь, присел на жесткий диван в комнате для проезжающих на почтовой станции при Н-ской станице. Писарь предлагал мне ночевать, откусать чаю, но я только рукой махнул и еще раз повторил мою просьбу как можно скорее прописать подорожную и ехать: мне во что бы то ни стало хотелось в тот же вечер попасть в губернский город, и не в город собственно, а в гостиницу, в мало-мальски опрятную и покойную постель, и заснуть в ней так, чтобы проспять целые сутки – так я был утомлен продолжительным путешествием и обилием впечатлений. Остановиться же на ночлег на станции я не решался: мне нужен был безусловный покой, а тут, в этой комнате для проезжающих, поминутно будут входить и выходить проезжие, будут стучать об пол сапогами, чемоданами, сундуками, тогда как меня всем существом моим тянуло к сладкому, мертвому сну. Вот почему я, несмотря на крайний предел утомления, решил перемочь себя и во что бы то ни стало сегодня же добраться до настоящей постели.

Но едва я присел на диван, как почувствовал, что мне не уехать. Сел я неловко, притиснув свой локоть к неуклюжей ручке дивана и до крайности неудобно подогнув ногу, – и не мог уж поправиться: тело мое отяжелело, я чувствовал его

непомерную тяжесть, не ощущая в нем и признаков жизни. А в то же время в моем мозгу шла какая-то неумолчная, ни на секунду не прекращавшаяся работа: впечатления виденного, слышанного, пережитого, передуманного не то чтобы угнетали или волновали мою голову, а как-то назойливо, надоедливо и бесплодно вертелись в ней; сердце совершенно не участвовало в этой работе, не выбирало в массе этих впечатлений того, чего ему нужно (ему, вероятно, было трудно разобраться), а без этого посредника между телом и духом я не мог ничего иного чувствовать, кроме мертвой тяжести тела и бесплодных мучений головы.

Я сидел, слышал, видел, но ничего не понимал и не чувствовал: в открытое окно, к которому вплотную был придвинут мой диван, я видел станичные сады, все в цвету, соломенные крыши, беленькие мазанки-домики, а под самыми окнами какие-то цветочки, кусты малины. Я видел все это и даже особенно пристально смотрел на какой-то ничтожнейший цветок, который первый бросился мне в глаза, и не ощущал ни в чем ни хорошего, ни худого... Видел я, как входил ямщик с объяснением, что лошади готовы; потом видел, как он втаскивал в комнату мои вещи, видел, что ямщик был мокрый, что тишина и блеск солнца сменились порывами ветра, сумраком набежавшей тучи и проливным дождем и градом, который беспощадно измочил мне руку и бок, обращенные к окну, облив водою весь подоконник... Видел, как ветер гнул деревья, кусты, сбивая с них цвет, и точно сне-

гом усыпал им грязную улицу; видел, как ветер стащил со столика под зеркалом скатерть, погнал по полу скомканный газетный лист с остатками моих папирос, распахнул дверь в сени, — все это я только видел и ровно ничего не чувствовал.

И вдруг что-то как будто теплое шевельнулось у меня в сердце.

Опять было тихо, опять светило солнце; но цветок, на который я так упорно и бессмысленно смотрел до сих пор, был сломан и весь оббит градом, изуродован и, очевидно, убит.

Я почувствовал, что именно он тронул меня за сердце; оно ожило, проснулось, и бесплодно изнурявшийся в обилии впечатлений ум тотчас же стал работать в том направлении, какое выбрало сердце; пришел хозяин, наложил на бесплодно вращавшееся маховое колесо передаточный ремень, и вся механика пошла в ход.

III

Каким образом гибель цветка, происшедшая на моих глазах и тронувшая меня за сердце, стала выделять из массы накопленных мною дорожных впечатлений исключительно впечатления так называемых семейных расстройств, решительно не могу объяснить в настоящее время. Знаю только, что едва «пришел хозяин и наложил передаточный ремень», как мне стало вспоминаться бесчисленное множество всевозможного рода семейных терзаний, до глубины души мучительных и до глубины души оскорбительных... «Прогнал, взял другую, живет с двумя... Детей бросил... Бросила детей, ушла... Шарахнул ее с балкона...» И все это на всевозможного рода жаргонах – и со смехом, и со слезами, в самых разнообразных обстановках, разнообразных слоях общества. Все это стало сбегаться в моей памяти в одну точку, в одну сжатую черной рамкой картину, глядя на которую и пересиливая в себе чувство горя и отвращения, я почему-то невольно начинал думать, как наш несчастный хозяин постоянного двора, у которого ушла жена: «Человек, братец ты мой, всего хочет, да не выходит этого, вот беда!...» И тотчас после того, как во мне мелькнула эта мысль, я невольно и еще более пристально, чем прежде, устремил мой взгляд на цветок и услышал следующее:

IV

– Не выходит! Ишь ты ведь, *всего* им подавай! Ровно ничего не выходит, вот как надобно говорить, а не то что всего! Жирно будет!

Собственно говоря, я ровно ничего не слышал, ни я не говорил ни с кем, ни со мной никто не говорил; цветок, разумеется, молчал не хуже моего. Но под его впечатлением и под впечатлением моей мысли между нами происходило что-то похожее на разговор, какой бывает иногда во сне: всякому случалось во время крепкого, непробудного сна слушать чей-то разговор, чью-то иногда продолжительную беседу, вы спите крепко и в то же время, как посторонний, присутствуете при чьем-то разговоре, следя за ним с напряженной внимательностью; звуки голосов никогда не остаются в вашей памяти; разговор идет, так сказать, без звука, даже лиц никогда нельзя упомнить, да большей частью их и нет при таком разговоре; но слова, хоть и без звука, вы слышите явственно, точно и, проснувшись, можете кое-что припомнить из этого разговора. Нечто подобное происходило и теперь: я присутствовал совершенно как посторонний, чужой человек, человек, наблюдающий со стороны, при разговоре, который молча, беззвучно происходил во мне же самом, но который благодаря цветку слышался мне вне меня.

– Налетела туча с градом, изуродовала, искалечила, – слы-

шал я далее (и с величайшим любопытством), – и, конечно, приходит смерть... Что говорить! прискорбный случай, несправедливость! А разве не то же бы было, доживи *мы* до конца дней?

– Кто мы?

– Да мы с женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.